

Научная статья

УДК 82-94

DOI 10.17223/18137083/85/5

**Предисловие как метатекстовый элемент
мемуарного повествования
(на материале русских мемуаров XVIII – начала XIX века)**

Оксана Анатольевна Фарафонова

Новосибирский государственный педагогический университет
Новосибирск, Россия

oxana.faroks@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4205-6793>

Аннотация

На материале русских мемуаров XVIII – начала XIX в. анализируется функциональный репертуар мемуарных предисловий как метатекстового компонента повествования. Корпус мемуарных текстов указанного периода помещается в общий культурно-литературный контекст эпохи XVIII в., что позволяет выявить основные тенденции мотивировок, приводимых мемуаристами в качестве объяснения своего литературного труда. Сравнительный анализ мемуарных предисловий XVIII в. позволил выявить существенные сдвиги в осмыслении мемуаристами целей написания воспоминаний, отражающие усиление авторского начала, изменение отношения авторов к записываемой ими истории прошлого и описываемому образу себя. Специфика предисловий в мемуарных текстах второй половины XVIII – начала XIX в. рассматривается в контексте ориентации авторов на потенциального читателя.

Ключевые слова

мемуары, предисловие, метатекстовый элемент, «праздное время в пользу употребленное», меланхолическая топика

Для цитирования

Фарафонова О. А. Предисловие как метатекстовый элемент мемуарного повествования (на материале русских мемуаров XVIII – начала XIX века) // Сибирский филологический журнал. 2023. № 4. С. 62–75. DOI 10.17223/18137083/85/5

© Фарафонова О. А., 2023

ISSN 1813-7083

Сибирский филологический журнал. 2023. № 4. С. 62–75

Siberian Journal of Philology, 2023, no. 4, pp. 62–75

Preface as a metatextual element of memoir narrative (a case study of the Russian memoirs of the 18th – early 19th century)

Oksana A. Farafonova

Novosibirsk State Pedagogical University
Novosibirsk, Russian Federation

oxana.faroks@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4205-6793>

Abstract

The paper analyzes the repertoire of the prefaces in Russian memoirs of the second half of the 18th to the early 19th century as a metatextual component of the narrative. Consideration is given to the authors' orientation towards potential readers and the specificity of prefaces in memoir texts during that period. The preface composition may comprise several phrases or represent a more voluminous fragment. It may not be an independent structural element and represents a kind of "beginning," functionally coinciding with the preface. The memoirs can be divided into three groups based on the presence and design of the preface: texts without a preface, texts with a pronounced preface, and texts in which the fragments at the beginning of the narrative perform the function of pre-notification. The corpus of memoir texts is analyzed within the context of the cultural and literary epoch of the 18th century, making it possible to identify the main trends in the motivations cited by memoirists as an explanation for their literary work. A comparative analysis of memoir prefaces of the 18th century has revealed the significant shifts in understanding the goals of writing memoirs by memoirists, reflecting the change in the authors' attitudes to the history of the past they record and the image of themselves they describe.

Keywords

memoirs, preface, metatextual element, "idle time in favor of the used", melancholic topic

For citation

Farafonova O. A. Preface as a metatextual element of memoir narrative (a case study of the Russian memoirs of the 18th – early 19th century). *Siberian Journal of Philology*, 2023, no. 4, pp. 62–75. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/85/5

Начиная со второй половины XVIII в., в русской мемуаристике всё значимее и заметнее становится авторское «я» мемуариста. Самым явным знаком усиления авторства в мемуарном тексте является предисловие. Среди мемуарных произведений XVIII – начала XIX в. не имеют авторского предисловия сравнительно небольшое количество текстов. Материалом представленного в настоящей статье исследования послужили более пятидесяти мемуарных произведений XVIII – начала XIX в. Предисловия отсутствуют в девятнадцати из них. Отметим, что в некоторых случаях невозможно точно определить, было ли предисловие, как, например, в «Записках» Ф. И. Соймонова (1760–1770-е гг.), первая часть которых утрачена. В большинстве таких текстов метатекстовую функцию предисловия принимает на себя заглавие мемуарного произведения, образуя необходимую для восприятия повествования пресуппозицию. В тех случаях, когда предисловие в мемуарах имеется, оно как элемент метатекста выполняет несколько функций:

- очерчивает определенный горизонт ожидания для потенциального читателя;
- устанавливает парадигму отношений «автор – читатель»;
- выполняет определенную организующую роль, придавая всему тексту «характер завершенности» [Ламзина, 2001, с. 848];

- оформляет «экспозиционную» часть повествования, в отдельных случаях, следуя за эпитафией, задает авторский ракурс его прочтения;
- обосновывает причины, возможность и право мемуариста писать, так как по сложившейся к XVIII в. в русской культуре традиции отношения к письменному слову «правом на сообщение достоверной информации обладал не всякий» [Билинкис, 1995, с. 11];
- является прямой декларацией авторской воли: предисловие объясняет мотивы создания мемуаров, описывает систему отношений между автором и текстом¹, авторскую преднамеренность и осознанность мемуаротворчества; усиливает и поясняет авторскую позицию, выраженную в заглавии.

Понимая мемуары широко, мы в качестве материала исследования привлекаем не только собственно автобиографические тексты, но и произведения историко-мемуарного характера, посвященные историческим личностям и событиям и написанные прямыми участниками или современниками.

В мемуарах XVIII в. предисловие может состоять из нескольких фраз или представлять собой более объемный фрагмент, отражающий рефлексию автора относительно причин, побудивших его взяться за написание мемуаров. Этот фрагмент может быть отделен от основного текста и иметь подзаголовок «предисловие», «предупреждение», «вступление», «к благосклонному читателю» и т. п. Но может и не выделяться как самостоятельный структурный элемент и представлять собой своеобразный «зачин», функционально совпадающий с предисловием. И, наконец, предисловия может не быть совсем. Весь массив мемуаров интересующего нас периода с точки зрения наличия и оформленности предисловия делится на три неравнозначные группы: тексты без предисловия, тексты с выраженным предисловием и тексты, в которых предисловие не обозначено четко, но в самом начале повествования есть фрагменты, выполняющие его функцию.

Предисловие как метатекстовый элемент задает определенную систему координат восприятия мемуаров для потенциального читателя. В этом смысле мемуарное предисловие функционально мало чем отличается от литературного (книжного) предисловия. Традиция книжных предисловий была развита как в древнерусской, так и в западноевропейской литературной культуре.

В мемуарных текстах первой половины XVIII в., где в центре повествования «находится не личность, а событие» [Билинкис, 1995, с. 12], остается актуально обоснование своего права на письменное слово. Несмотря на смену писательского типа, традиции древнерусской книжности в начале века еще очень сильны, и авторы первых русских мемуаров чувствуют необходимость в оправдании своего писательства. Главным аргументом, подтверждающим право мемуариста на фиксацию и описание события, является утверждение, что автор описывает то, что видел лично.

Очень показательным максимально краткое, но емкое предисловие А. К. Нартова к «Достопамятным повествованиям и речам Петра Великого» (1727): «Я собирал повествования о Петре Великом и речи сего Монарха, слыша оные либо устно от самого Государя, или от достоверных особ, в то время живших; находясь при Его Императорском Величестве более двадцати лет, и нося милость Его, бывал я самовидцем упражнений и бесед Его» [Нартов, 2001, с. 417]. «Я собирал»,

¹ М. Я. Билинкис для передачи специфики взаимодействия текста и автора в русской культуре XVIII в. для произведений первых десятилетий использует формулу «текст и автор», обозначая приоритет канона над авторской волей, а для литературы второй половины столетия – «автор и текст», ставя автора и его волю на первое место [Билинкис, 1995].

«слышал», «бывал самовидцем» – не только доказательство достоверности пересказываемых бесед Петра I, но и утверждение права голоса самого Нартова как мемуариста. «Сам видел», «сам слышал», значит, имею право сам пересказать.

Подтверждая свое право писать о Петре I, Нартов не только настаивает на том, что он «бывал самовидцем упражнений и бесед его», но и сообщает максимально полную информацию о своем месте в иерархической структуре современного ему мира: «Андрей Нартов, действительный статский советник, Петра Великого механик и токарного искусства учитель, императорской Академии наук и канцелярии главной артиллерии и фортификации член» [Там же]. Информация, сообщаемая Нартовым о своем общественном статусе, следует после предисловия и подкрепляет его право «самовидца», обладающего необходимым знанием.

Другой «самовидец» петровского времени, Н. И. Кашин, предваряет собранные по тому же принципу, что и «Достопамятные повествования...» Нартова, записки следующим образом: «Я нижеподписавшийся описываю самовидное и верно слышанное мною с 1717 до 1725 годов, дела и поступки, и увеселительные забавы славного, великого императора Петра Алексеевича, всея России повелителя и милостивейшего отца отечества» [Кашин, 1895, с. 9]. О самом Кашине известно очень немного. Только то, что он служил в армии сначала рядовым, а потом сержантом [СРП, 1999, с. 56]. В отличие от Нартова, Кашин не сообщает свой статус. Доказательством его права и даже необходимости писать о Петре I в предисловии служит уже не столько его положение в иерархии, сколько именно «самовиденье» и сам объект, вокруг которого сосредоточено повествование.

Пафос предисловий в мемуарных текстах первой половины XVIII в. и общая интенция мемуаристов могут быть определены как «сохранение истории». В этом они видят свою основную задачу. Определение «самовидец», являющееся автохарактеристикой мемуаристов этого периода, служит одновременно подтверждением права писать по собственной инициативе, а следовательно, выстраивать и организовывать текст по своей воле, декларируя тем самым значимость авторского «я», пусть еще и не эксплицируемого активно в тексте.

Абсолютную нетривиальность своего текста для современной ему литературной традиции начала XVIII в. понимал князь Б. И. Куракин. Он считает необходимым в начале повествования о своей жизни написать: «Сподеваюся, читающего сие мое описание от самого меня и моего жития будет заирать, на что то так написал и буду писать. <...> Для того и я не от самого себя то учинил, но ведав обычай всех, как высших, так и средних и самых шляхетных персон, которые описывают свой живот, понеже и я тому последствовал. А о зазирающих <...> токмо разумею о том, за незнание сего обстоятельства света» [Куракин, 1890а, с. 243].

Для Куракина объяснением права на самоописание становится обращение к «европским» традициям. Русский посол, проведший много лет при европейских дворах, Куракин был включен «в систему европейских культурных норм» [Билинчис, 1995, с. 16]. Произведение «первого русского мемуариста» было создано между 1705 и 1711 гг., т. е., как отмечает Э. А. Зицер, «за два или три поколения до того, как мемуаристика в России вошла в моду и количество автобиографических повествований выросло как снежный ком» [Зицер, 2013, с. 178–179]. Оправдывая намерение писать о себе, Куракин ссылается на то, что народы «европские» в таком письме «обычайны», имея в виду возникшую в античности и вполне сложившуюся в европейской литературе к XVII в. традицию мемуарно-автобиографического повествования. Действуя как человек европейский, Куракин чувствует необходимость сразу обозначить потенциальному читателю «правила игры»,

т. е. важную для восприятия его и его текста парадигму: автор сосредоточен не на описании событий, а на «собственной меняющейся личности» [Билинкис, 1995, с. 16]. Он пишет по собственной воле, что становится определяющим началом для всего текста «Жизни князя Бориса Ивановича Куракина, им самим описанной»².

К числу мемуарных произведений, написанных Куракиным, относятся также «Русско-шведская война. Записки князя Б. И. Куракина» (1720-е) и «Гистория о царе Петре Алексеевиче» (1723–1727). Оба текста, являясь историко-мемуарными сочинениями, в отличие от «Жизни...» основаны не только на личном опыте, но и на документах.

Предисловия к написанным от третьего лица запискам о русско-шведской войне нет, а в авторском предисловии к «Гистории...» сосуществуют и древнерусская традиция на создание текста «в помощи Вышняго и в надеянии Его святой милости», и европейская установка на «угодность публичную». Куракин прямо обращается к читателю, объясняя ему общую идею и структуру «Гистории...»: «Начинаю сей увраж давно от меня намеренной, в пользу моего отечества, Всероссийской империи и в угодность публичную, прося Вышняго, дабы благословил мне, по моему желанию, ко окончанию [сей увраж] привести. Понеже Российская империя от давняго времени славу свою имеет <...> Но донныне еще справедливаго описания гистории о сей империи не явилося, того ради понужден сей увраж учинить – гисторию о сей империи, собрав из многих рукописанных ведомостей так пространно, сколько мог быть в состоянии собрать, присовокупля при том о всех делах политических всего царствования Петра Великаго, императора Всероссийскаго <...> И разделяю сей мой увраж на части для лутчего вразумления читателю. <...> прошу моего читателя в настоящее время сим удовольствоваться, а на предбудущее от других к своему удовольствию ожидать» [Куракин, 1890б, с. 36].

И «Жизнь...», и «Гистория...» написаны от первого лица. Это принципиально для Куракина как мемуариста. Обратим внимание на существенное различие двух предисловий: при ориентации на читателя в обоих произведениях отношение автора к потенциальной аудитории своего сочинения не одинаково. Это связано с характером самих текстов и с объектом повествования. В предисловии к «Жизни...», где объектом является не событие, а личность, Куракин, объясняя мотивы своего писательства, вступает в заочную полемику с «зазирающими» читателями, бросает им вызов, утверждая свое право писать о себе так, как задумал, и то, что задумал. В предисловии к «Гистории...», осознаваемой самим мемуаристом как текст, вполне вписывающийся в русскую традицию повествования об историческом событии, он предстает в роли рассудительного автора, пишущего о своем времени, а право на создание текста о Петре и его правлении подтверждает исторической реальностью и «самовиденьем»: «Я тому сам свидетелем был, и от младенчества лет моих воспитан был при дворе, и всегда неотступно при нем был во всю войну и даже в самую баталию Полтавскую по 1709 год» [Куракин, 1890б, с. 41–42].

Мемуаристы последующих десятилетий вне зависимости от причин, побудивших их взяться за написание мемуаров, довольно долго сохраняют потребность

² Оригинальное итальянское заглавие мемуаров Куракина «*Vita del Principe Boris Kouribut-Kourakin del familii de polonia et litoania*» было переведено на русский язык при публикации архива князя Ф. А. Куракина М. И. Семевским в 1890 г.

оправдать свое право на слово. Основным доказательством, как и в текстах Куракина, часто служит обращение к европейской традиции.

Так, в «Записках Петра Ивановича Рычкова» (1761–1771) автор, обращаясь к своим детям и объясняя сам факт появления этого текста, пишет в предисловии: «Еще в 1751 году <...> увидел в академической книжной палате одно нравоучительное письмо, с греческого на германский язык переведенное. Оно хотя от язычника и прежде Рождества Христова лет за 300 от оратора Сократа к Демонику (сыну друга его Гиппоника) писано, но просмотревши я нашел в нем много общих и таких правил, которые я в оном предпринятом моем намерении, не читавши еще письма того, в мыслях моих воображал» [Рычков, 1905, стб. 289 – 290]. Рычков, по его собственным словам, очень был впечатлен идеями, высказанными в письме Сократа, и, «купя его <...> перевел на русский язык». Кроме Сократа Рычков в предисловии к «Запискам» ссылается еще на один текст, который он переводит с немецкого практически одновременно с письмом Сократа, – «Письмо матери к дочери» из немецкого журнала «Der Weltbürger». Оба перевода были напечатаны в журнале «Ежемесячные сочинения» в апреле 1758 г. Спустя несколько лет – в 1761 г. – Рычков приступает к созданию мемуарных «Записок», и предшествующие этому переводы создают значимый контекст для его собственного слова. Не случайно он вспоминает о своих переводах в предисловии, кратко пересказывает суть оригиналов и указывает на них детям не только как обязательные для прочтения, но и как те, с которыми нужно соотносить его сочинение.

А. Я. Климов, пишущий свою «бедного странствия трагедию» в 1790-е гг. по возвращении в Россию после длительного плена и вынужденной службы в прусской армии, также указывает в нескольких предварительных фразах (предисловие как таковое в его тексте не выражено) на традицию «иностранных государств»: «Учинил я в моем рассуждении представить всего моего бедного странствия трагедию, которая, как я думаю, будет не во огорчение всем желающим знать и слышать. Ибо не в одних иностранных государствах по причине приключаящихся странствий выдаваемы бывают в свете истории, но, рассудительно, и в России то же самое быть может» [Климов, 2011, с. 11–12]. Ссылаясь на «истории» других стран³, Климов во вступительном фрагменте, выполняющем в его тексте функцию предисловия, предвосхищает возможные вопросы о правомерности его претензии на создание текста о своей жизни. Эти наивные оправдательные замечания автора тем более интересны, что в ситуации 90-х гг. XVIII в. выглядят почти анахронизмом: культурная ситуация изменилась, мемуары становятся актуальным жанром и времяпровождением в уединении, никто больше не оправдывает само появление мемуарных произведений ссылками на «обычай» других стран.

³ Полагаем, что к «историям» в данном случае следует относить не только историко-мемуарные сочинения, с которыми вполне мог быть знаком Климов, а прежде всего литературные произведения. Е. Д. Кукушкина, комментируя публикацию «Похождения прапорщика Климова», высказывает предположение, что мемуарист, много лет проведенный в Пруссии и знавший немецкий и польский языки, мог быть знаком с довольно широким кругом книг, изданных на немецком языке. Она обнаруживает в повествовании Климова несколько эпизодов, перекликающихся «с сюжетами “Симплициссимуса”, особенно с первой его “книгой”» [Кукушкина, 2011, с. 197]. «Симплициссимус» Г. Я. Гриммельсгаузена был впервые издан в 1668 г., затем дополнялся в последующих изданиях. Кроме «Симплициссимуса» Климову могли быть знакомы «Робинзон Крузо» Д. Дефо, «Путешествие Лемюэля Гулливера Дж. Свифта, «Чувствительное путешествие по Германии» И. Г. Шиммеля.

При сравнении предисловий в мемуарах XVIII в. очевидны существенные перемены, происходившие во второй половине столетия: увеличивается количество произведений с предисловиями, расширяется спектр мотивировок, используемых авторами для объяснения появления своего текста и решения обратиться к писательству. Во всех случаях они отражают общелитературные тенденции, наметившиеся в XVIII в., когда писатели, свободные от «понужения и обета» [Николаев, 2017, с. 6], начинают всерьез задумываться о природе художественного творчества и мотивации занятия литературой. В предисловиях мемуаристы второй половины столетия уже не оправдывают своего права на письменное высказывание о себе, но стараются объяснить потенциальному читателю своих записок личные причины, заставившие взяться за перо.

Самой распространенной мотивировкой остается «польза» сочинения мемуариста для других. В русских книжных предисловиях с XI–XII вв. «доказательство полезности книги было одним из основных, обязательных тезисов» [Кукушкина, 2011, с. 194]. Подобная установка актуальна и для XVIII в., когда любое литературно-историческое произведение мыслилось в гражданско-воспитательной парадигме и должно было способствовать «исправлению пороков и моральному совершенствованию личности» [Тартаковский, 1991, с. 82].

Средством достижения пользы сочинения для потомков, декларируемым мемуаристами, как правило, является собственный нравственный пример. Так, И. М. Долгоруков в предисловии к «Повести о рождении моем, происхождении и всей жизни» (1788–1819) пишет, что главная его цель – быть полезным детям своим, а потому не скрывать от них ничего: «Они увидят всего меня в наготе совершенной, без лукавства и без тайны, не утаю от них моих размышлений на каждый случай, стараясь обращать собственные опыты мои к их нравственному воспитанию» [Долгоруков, 2004, с. 7–8]. Установка на откровенность, которую демонстрирует Долгоруков в предисловии к «Повести...», перекликается с предисловием М. Монтеня к его «Опытам», переведенным на русский язык и изданным в России в 1762 г.: «Это искренняя книга, читатель. <...> я хочу, чтобы меня видели в моем простом, естественном и обыденном виде, непринужденным и безыскусственным, ибо я рисую не кого-либо, а себя самого» [Монтень, 1954, с. 7]. Очевидно, что заданная Монтенем «планка искренности» оказалась актуальна не только для французской литературной традиции, в частности для Руссо, который не просто читал, но «впитал» идеи автора «Опытов» [Визгин, 2012, с. 150], но и для русских мемуаристов второй половины XVIII в. Долгоруков, очевидно, испытал влияние и «Опытов» Монтеня, и «Исповеди» Руссо, определивших установку на «одинаковую откровенность» при изображении «хорошего и дурного» в мемуарном тексте Долгорукова.

Честно и безыскусно описанная собственная жизнь мемуариста мыслится как нравоучительный трактат для потомков, но трактат более полезный и «приятный» в чтении, чем какое-либо иное сочинение о великих людях, поскольку рассказывает историю близкого человека. Выраженная в предисловии установка на искренность и, следовательно, достоверность мемуарного повествования часто становится оправданием и объяснением пользы труда мемуариста. Так, Г. И. Добрынин в предисловии к «Истинному повествованию, или Жизни Гавриила Добрынина, им самим писанной в Могилеве и в Витебске» (1787–1823) объясняет свое намерение писать честные мемуары тем, что «писать небылицы или выдумки было бы то же самое, что обманывать самого себя». Пользу своего сочинения Добрынин видит прежде всего в сохранении личной памяти, в том, что с помощью

его мемуаров возможно будет «приведение на память прошедших моих лет и приключений» [Добрынин, 1872, с. 3]. Но, чтобы собственный опыт действительно был полезен последующим поколениям, он должен быть честен. Это главный залог пользы совершаемого писательского труда.

«Желание послужить отечественному просвещению и доставить пользу читающей публике» является одним из главных доводов русских писателей XVIII в., приводимых ими в «оправдание» своей литературной или переводческой деятельности [Николаев, 2017, с. 17]. Аналогичные мотивировки указывают в предисловиях мемуаристы, вольно или невольно вписывая свои воспоминания в общий контекст литературной культуры эпохи.

Написание «честной» истории своей жизни часто осмысливается авторами мемуаров как общественное служение. Об этом пишет в обращении к «благосклонному читателю» Я. П. Шаховской (1772), называя себя «благим намерениям лучших успехов истинным желателем» и отмечая, что взялся за написание своей прежде всего служебной истории, «доброжелательствуя моему отечеству, не сгодиться ли что благосклонным сего читателям» [Шаховской, 1821, с. X]. Русский генерал сербского происхождения С. С. Пишчевич объясняет мотивы написания мемуаров о превратностях своей службы желанием «оказать нации услугу». В предисловии к «Известию о походе Симеона Степанова сына Пишчевича» (1785) он пишет, что приступает «о самом себе говорить не красноречием или лишними какими прибавками, а просто так, как во все время моей жизни приключения со мною встречались и происходило счастьем и несчастьем» [Пишчевич, 1884, с. 1].

Наряду с мотивом нравственной пользы и служения отечеству в предисловиях к мемуарам часто появляется оправдательное указание на отсутствие у мемуариста какого бы то ни было тщеславия: «Я не тщеславясь сие пишу» [Рычков, 1905, с. 290]; «Я положил собрать и написать фамилию Даниловых не для тщеславия моего» [Данилов, 1991, с. 283]; «Да никто из читающих не возомнит, что честолюбие оставить потомству имя мое или красноречие, славу творцам приобретающее, были причиною трудов, к сочинению сия книги приложенных» [Елагин, 1864]. Долгоруков, объясняя причины, подтолкнувшие его к написанию мемуаров, говорит о себе как о человеке, обладающем «природной» склонностью к писательству. Но, чтобы избежать упреков в тщеславии и нескромности, он ссылается на завет отца, отмечавшего в сыне «смолоду наклонность к трудам пера» и советовавшего ему «писать исторический журнал» своей жизни [Долгоруков, 2004, с. 7]. Отказ от тщеславных помыслов столь же обязателен для мемуарных предисловий, как уверение в искренности и правдивости повествования.

Тщеславие входит в устойчивый набор пороков, разоблачаемых в сатирических жанрах XVIII в., наряду с гордостью, лицемерием, невежеством. В сложившемся во второй половине XVIII в. культурном контексте подозрение в тщеславии может поставить под сомнение идею того, что труд мемуариста необходим для пользы потомкам, обществу, отечеству и нации. Поэтому, объясняя в предисловиях причины своего писательства, авторы мемуаров считают необходимым заявить о невиновности в этом «грехе».

Предисловие к «Сокращенной выписке из тайной записки моей жизни» Анны де Пальме (1810-е – 1820-е гг.) также предвосхищает возможные обвинения в «нескромности» в адрес мемуаристки, которая отвергает все возможные «предрассудки, оскорбления и клеветы», потому что пишет абсолютную правду и никакие «терзания совести» ее не преследуют [Пальме, 1994, с. 14]. В предисловии Пальме сопрягаются ключевые для дальнейшего ее повествования мотивы: ис-

тины, правосудия, судьбы и случая (рока). Причем для вступительного и знаково-го по отношению ко всему произведению рассуждения о том, каким образом устроен мир и каким законам он подчиняется, мемуаристка использует традиционную форму просветительского диалога: «Вопрос. Для чего один глупой, а другой с подлою душою человек, и оба, рожденные для забвения, светозарны, тогда когда умной и добродетельной человек проводит дни жизни своей во тьме? Ответ. Для слов, как для людей, есть жребий роковой; случай играет их судьбой. Он – их судия, они – его создание. Захочет – и в чести; велит – они в изгнание. Неистовый тиран; но свят его закон» [Там же, с. 15].

В предисловии Пальме отчетливо прослеживаются романские мотивы судьбы, случая, «рокового жребия», известные со времен античности и активно подхваченные русской литературой второй половины XVIII в. Связь с литературной традицией мемуаристка вольно или невольно подчеркивает, оформляя часть предисловия (ответ) стихами. Шестистопный трагедийный ямб задает вполне определенную парадигму самопрезентации автора: она видит себя трагедийной героиней, борющейся с «превратностями света».

Общелитературной мотивировкой словесного творчества, отразившейся и в мемуарных предисловиях, является интенционально близкая «пользе» для потомков или отечества концепция «праздного времени в пользу употребленного». Выходивший в 1759–1760 гг. еженедельный журнал с таким названием уделял большое внимание публикациям о вреде праздности, активно продвигал идею опасности праздного времяпровождения, приравнивая праздность к лени. Вслед за «Праздным временем в пользу употребленным» в других литературных журналах второй половины XVIII в. «деятельное заполнение досуга» становится центральным предметом размышлений, что отражается уже в их названиях: «Свободные часы» (1763), «Рассказчик забавных басен, служащих к чтению в скучное время, или когда кому делать нечего» (1781) и др.

Проблема «праздного времени» становится для второй половины XVIII в. общественно актуальной, она постоянно фигурирует на страницах периодических изданий и литературных произведений и, разумеется, не могла не отразиться и в размышлениях мемуаристов в предисловиях к своим сочинениям. Более того, наличие «праздного времени» становится одним из мотивов создания мемуарного произведения: «Живучи в деревне, в свободных мыслях и безмятежном сельском житии находясь празден, без всякого дела, возомнил я написать происшествие фамилии нашей Даниловых» [Данилов, 1991, с. 282]; «рассудил употребить некоторые праздные и от прочих дел остающиеся часы на описание всего того, что случилось со мной во все время продолжения моей жизни» [Болотов, 2013, с. 11]; «имев свободные часы, с помощью Божию, начинаю писать могущим быть по мне потомкам, а наипаче моим родным детям» [Лукин, 1865, стб. 921]. С одной стороны, «свободные часы», о которых пишут мемуаристы в предисловиях, создают необходимое условие для записи воспоминаний, а с другой – создание мемуарного текста становится полезным заполнением «праздного времени».

В период становления и развития в русской литературе сентиментализма комплекс мотивировок в мемуарных предисловиях значительно расширяется. В качестве побуждающих к писательству причин мемуаристы называют уныние, ипохондрию, меланхолию и скуку.

Приступая к «Своеручным запискам княгини Натальи Борисовны Долгорукой, дочери г. фельдмаршала графа Бориса Петровича Шереметева» (1767), мемуаристка пишет: «Как скоро вы от меня поехали, осталась я в уединении, пришло на

меня уныние, и так отягощена была голова моя беспокойными мыслями, казалось, что уже от той тягости к земле клонюсь. <...> Пришло мне на память, что вы всегда меня просили, чтобы по себе оставила на память журнал» [Долгорукая, 1991, с. 256]. Ее внук, И. М. Долгоруков, задумав создать «лексикон своей памяти», также говорит о своеобразной терапевтической функции процесса письма: «Снова напало на меня желание марать бумагу; встретил меня не опасный, но мучительный недуг, который <...> омрачил так мои мысли <...> по склонности физической к излишней меланхолии. Надобно было это зло отвратить, а для этого надобно было писать» [Долгоруков, 1997, с. 5–6].

Писатели XVIII в. часто оправдывали свою причастность к литературе и собственное творчество скукой и тем, что пишут для собственного развлечения. Мемуаристы второй половины XVIII – начала XIX в. также довольно часто объясняют свое обращение к писательству скукой: «Все перечитавши, и несколько раз, что только нашлось своего или занятого, все передумавши, и неоднократно, что только задержалось в моей старой голове, всем наскучивши, <...> нахожусь я в совершенном безделии, следовательно в несносной скуке. <...> Чем же наполнять день, особенно чем сокращать долгие предобеденные часы? Писать...» [Винский, 1877, стб. 77–78]. Далее, рассуждая о том, что же именно лучше писать, чтобы развеять «несносную скуку», весьма начитанный и думающий человек Г. С. Винский приходит к выводу, что нужно писать именно мемуары.

Очень часто в мотивировках писания мемуаров скука соединяется с болезнью. Завершая объемное предисловие к «Капищу моего сердца» (1814–1818), Долгоруков пишет: «Главная цель моя, как выше видно, принявшись за сию работу, была та, чтоб не задумываться, разгонять гипохондрию и разбивать мысли, омраченные продолжительным недугом и скукою» [Долгоруков, 1997, с. 6].

Мемуарное предисловие оформляет авторское высказывание, задает авторский ракурс прочтения произведения и понимания создаваемого мемуаристом образа себя и своего прошлого. Выполняя метатекстовую функцию, мемуарные предисловия отражают авторскую рефлексию в отношении причин создания мемуаров и выбора повествовательной модели.

В мемуарных предисловиях XVIII в. отражаются общекультурные изменения. Пафос сохранения памяти об историческом событии или личности как доминантная интенция мемуаристов сопрягается с идеей сохранения памяти о себе, что, в свою очередь, определяет изменение мотивировок создания мемуаров, декларируемых авторами в предисловиях. Помимо отражения общекультурного понимания причины писательского труда как «пользы» или «праздного времени, в пользу употребленного», мемуаристы XVIII в. всё чаще обращаются к литературной по своей природе «меланхолической топике» (уныние, уединение, меланхолия, тоска, скука), что, как нам представляется, связано с общим процессом сближения литературы и мемуаров в историко-культурном контексте второй половины XVIII – начала XIX в.

Список литературы

Билинкис М. Я. Русская проза XVIII века: Документальные жанры. Повесть. Роман. СПб.: СПбГУ, 1995. 104 с.

Болотов А. Т. Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанная им самим для своих потомков: В 3 т. / Отв. ред. О. А. Платонов. М.: Ин-т русской цивилизации, 2013. Т. 1. 1120 с.

Визгин В. П. Урок Руссо // *Философские науки.* 2012. № 11. С. 149–152.

- Винский Г. С.* Мое время // Русский архив. 1877. № 1. Стб. 77–123.
- Данилов М. В.* Записки Михаила Васильевича Данилова, артиллерии майора, написанные им в 1771 году (1722–1762) // Безвременье и временщики: Воспоминания об «эпохе дворцовых переворотов» (1720-е – 1760-е годы) / Сост., вступ. ст., коммент. Е. Анисимова. Л.: Худож. лит., 1991. С. 282–350.
- Добрынин Г. И.* Истинное повествование, или Жизнь Гавриила Добрынина, им самим писанная в Могилеве и в Витебске. СПб.: Печатня В. И. Головина, 1872. 380 с.
- Долгорукая Н. Б.* Своеручные записки княгини Натальи Борисовны Долгорукой, дочери г. фельдмаршала графа Бориса Петровича Шереметева // Безвременье и временщики: Воспоминания об «эпохе дворцовых переворотов» (1720-е – 1760-е годы) / Сост., вступ. ст., коммент. Е. Анисимова. Л.: Худож. лит., 1991. С. 256–279.
- Долгоруков И. М.* Капище моего сердца, или Словарь всех тех лиц, с коими я был в разных отношениях в течение моей жизни. М.: Наука, 1997. 410 с.
- Долгоруков И. М.* Повесть о рождении моем, происхождении и всей жизни, писанная мной самим и начатая в Москве 1788-го года в августе месяце, на 25-м году от рождения моего. СПб.: Наука, 2004. Т. 1. 833 с.
- Зицер Э. А.* Самосотворение петровского «аристократа»: астрологическая «книга рождения» князя Бориса Ивановича Куракина // Правящие элиты и дворянство России во время и после петровских реформ (1782–1750). М.: Политическая энциклопедия, 2013. С. 178–212.
- Елагин И. П.* Учение древнего любомудрия и богомудрия, или Наука свободных каменщиков; из разных творцов светских, духовных и мистических собранная и в 5 частях предложенная И. Е., великим российской провинциальной логи мастером. Начато в 1786 г. Повесть о себе самом // Русский архив. 1864. Т. 1. Стб. 93–100.
- Кашин Н. И.* Поступки и забавы императора Петра Великого (запись современника). СПб.: Тип. И. Н. Скороходова, 1895. 32 с.
- Климов А. Я.* Похождение прапорщика Климова // Похождение прапорщика Климова (Мемуары XVIII века) / Подгот. текста, ст. и коммент. Е. Д. Кукушкиной. СПб.: Пушкинский Дом, 2011. С. 11–177.
- Кукушкина Е. Д.* Мемуары Алексея Климова как историческое свидетельство и литературный памятник // Похождение прапорщика Климова. СПб.: Пушкинский Дом, 2011. С. 187–213.
- Куракин Б. И.* История о царе Петре Алексеевиче и о ближних к нему людях, 1682–1694 гг., сочинение князя Б. И. Куракина, написанное в Гаге и Париже в 1723–1727 гг. // Архив кн. Ф. А. Куракина. СПб.: Тип. В. С. Балашева, 1890б. Кн. 1. С. 39–78.
- Куракин Б. И.* Жизнь князя Бориса Ивановича Куракина, им самим описанная. 1676 – июля 20-го – 1709 // Архив кн. Ф. А. Куракина. СПб.: Тип. В. С. Балашева, 1890а. Кн. 1. С. 241–287.
- Ламзина А. В.* Рама произведения // Литературная энциклопедия терминов и понятий. М.: Интелвалк, 2001. С. 848–853.
- Лукин И. Ф.* Жизнь старинного русского дворянина. Записки Ивана Федоровича Лукина // Русский архив. 1865. Вып. 8. Стб. 899–930.
- Монтень М.* Опыты. Книга I. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1954. 711 с.

Нартов А. К. Достопамятные повествования и речи Петра Великого // Никанорова Е. К. Исторический анекдот в русской литературе XVIII века. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2001. С. 417–435.

Николаев С. И. Русские писатели XVIII века о мотивации своих занятий литературным трудом // XVIII век. Сб. 29. Литературная жизнь в России XVIII века. М., СПб.: Альянс-Архео, 2017. С. 5–20.

Пальме А. де. Сокращенная выписка из тайной записки моей жизни с 1794 по 1808 год // Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: Альманах. М.: Студия ТРИТЭ, Рос. Архив, 1994. С. 14–23.

Пишчевич С. С. Известие о походе Семена Степановича Пишчевича, 1731–1785. М.: Тип. Моск. ун-та, 1883. 577 с.

Рычков П. И. Записки Петра Ивановича Рычкова // Русский архив. 1905. Кн. 3. Стб. 289–340.

СРП – Словарь русских писателей XVIII века. СПб.: Наука, 1999. Вып. 2 (К–П). 512 с.

Тартаковский А. Г. Русская мемуаристика XVIII – начала XIX в. От рукописи к книге. М.: Наука, 1991. 288 с.

Шаховской Я. П. Записки Якова Петровича Шаховского, писанные им самим. М.: Тип. И. Глазунова, 1821. Ч. 1. 208 с.

References

Bilinkis M. Ya. *Russkaya proza 18 veka: Dokumental'nye zhanry. Povest'. Roman*. [Russian prose of the 18th century: Documentary genres. Tale. Novel]. St. Petersburg, SPbSU, 1995, 104 p.

Bolotov A. T. *Zhizn' i priklyucheniya Andrey Bolotova, opisannaya im samim dlya svoikh potomkov: V 3 t.* [The life and adventures of Andrei Bolotov, described by himself for his descendants: In 3 vols.]. O. A. Platonov (Ed.). Moscow, Institut russkoy tsivilizatsii, 2013 vol. 1, 1120 p.

Danilov M. V. *Zapiski Mikhaila Vasil'evicha Danilova, artillerii mayora, napisanye im v 1771 godu (1722–1762)* [Notes by Mikhail Vasilyevich Danilov, an artillery major, written by him in 1771 (1722–1762)]. In: *Bezvremen'e i vremenshchiki: Vospominaniya ob "epokhe dvortsovykh perevorotov" (1720-e – 1760-e gody)* [Timelessness and temporary workers: Memories of the “epoch of palace coups” (1720s - 1760s)]. E. Anisimova (Comp., comment.). Leningrad, Khudozh. lit., 1991, pp. 282–350.

Dobrynin G. I. *Istinnoe povestvovanie ili Zhizn' Gavriila Dobrynina, im samim pisannaya v Mogileve i v Vitebske* [The true narrative or the life of Gabriel Dobrynin, written by himself in Mogilev and Vitebsk]. St. Petersburg, Pechatnya V. I. Golovina, 1872, 380 p.

Dolgorukaya N. B. *Svoeruchnye zapiski knyagini Natal'i Borisovny Dolgorukoy, docheri g. fel'dmarshala grafa Borisa Petrovicha Sheremeteva* [Handwritten notes of Princess Natalya Borisovna Dolgoruky, daughter of Field Marshal Count Boris Petrovich Sheremetev]. In: *Bezvremen'e i vremenshchiki: Vospominaniya ob "epokhe dvortsovykh perevorotov" (1720-e – 1760-e gody)* [Timelessness and temporary workers: Memories of the “epoch of palace coups” (1720s – 1760s)]. E. Anisimova (Comp., comment.). Leningrad, Khudozh. lit., 1991, pp. 256–279.

Dolgorukov I. M. *Kapishche moego serdtsa, ili Slovar' vsekh tekh lits, s koimi ya byl v raznykh otnosheniyakh v techenie moey zhizni* [The temple of my heart, or the Dictionary of all those persons with whom I have been in various relationships during my life]. Moscow, Nauka, 1997, 410 p.

Dolgorukov I. M. *Povest' o rozhdenii moem, proiskhozhdenii i vsey zhizni, pisanaya mnoy samim i nachataya v Moskve 1788-go goda v avguste mesyatse, na 25-m godu ot rozhdeniya moego* [The story of my birth, origin and whole life, written by myself and begun in Moscow in 1788 in the month of August, in the 25th year from my birth]. St. Petersburg, Nauka, 2004, vol. 1, 833 p.

Elagin I. P. *Uchenie drevnego lyubomudriya i bogomudriya, ili Nauka svobodnykh kamenshchikov; iz raznykh tvortsov svetskikh, dukhovnykh i misticheskikh sobrannaya i v 5 chastyakh predlozhennaya I. E., velikim rossiyskoy provintsial'noy lozhi masterom. Nachato v 1786 g. Povest' o sebe samom* [The Teaching of Ancient Philosophy and God's Wisdom, or the Science of Free Stonemasons; from various secular, spiritual and mystical creators, collected and in 5 parts proposed by I. E., the great master of the Russian provincial lodge. Started in 1786. The Tale of Myself]. In: *Russkiy arkhiv* [Russian archive]. 1864, vol. 1, cols. 93–100.

Kashin N. I. *Postupki i zabavy imperatora Petra Velikogo (zapis' sovremennika)* [The deeds and amusements of Emperor Peter the Great (record of a contemporary)]. St. Petersburg, Tip. I. N. Skorokhodova, 1895, 32 p.

Klimov A. Ya. Pokhozhdenie praporshchika Klimova [The Adventures of Warrant Officer Klimov]. In: *Pokhozhdenie praporshchika Klimova (Memuary XVIII veka)* [The Adventures of Warrant Officer Klimov (Memoirs of the 18th century)]. E. D. Kukushkina (Ed. text, art. and comment.). St. Petersburg, Pushkinskiy Dom, 2011, pp. 11–177.

Kukushkina E. D. Memuary Alekseya Klimova kak istoricheskoe svidetel'stvo i literaturnyy pamyatnik [Memoirs of Aleksey Klimov as a historical evidence and a literary monument]. In: *Pokhozhdenie praporshchika Klimova [Adventures of Warrant Officer Klimov]*. St. Petersburg, Pushkin House Publishing House, 2011, pp. 187–213.

Kurakin B. I. Gistoriya o tsare Petre Alekseeviche i o blizhnikh k nemu lyudyakh, 1682–1694 gg., sochinenie knyazya B. I. Kurakina, napisannoe v Gage i Parizhe v 1723 – 1727 gg. [Historia about Tsar Peter Alekseevich and about people close to him, 1682–1694, a work by Prince B. I. Kurakin, written in Gage and Paris in 1723–1727]. In: *Arkhiv kn. F. A. Kurakina* [Archive of the book of F. A. Kurakin]. St. Petersburg, Tip. V. S. Balasheva, 1890b, bk. 1, pp. 39–78.

Kurakin B. I. Zhizn' knyazya Borisa Ivanovicha Kurakina im sami opisannaya. 1676 – iyulya 20-go – 1709 [The life of Prince Boris Ivanovich Kurakin described by him himself. 1676 – July 20 – 1709]. In: *Arkhiv kn. F. A. Kurakina* [Archive of the book of F. A. Kurakin]. St. Petersburg, Tip. V. S. Balasheva, 1890, bk. 1, pp. 241–287.

Lamzina A. V. Rama proizvedeniya [Frame of the work]. In: *Literaturnaya entsiklopediya terminov i ponyatiy* [Literary encyclopedia of terms and concepts]. Moscow, Intelvalk, 2001, pp. 848–853.

Lukin I. F. Zhizn' starinnogo russkogo dvoryanina. Zapiski Ivana Fedorovicha Lukina [Life of an old Russian nobleman. Notes of Ivan Fedorovich Lukin]. In: *Russkiy arkhiv* [Russian archive]. 1865, iss. 8, cols. 899–930.

Montaigne M. *Opyty. Kniga I* [Experiments. Book I]. Moscow, Leningrad, AN USSR, 1954, 711 p.

Nartov A. K. Dostopamyatnye povestvovaniya i rechi Petra Velikogo [Memorable narratives and speeches of Peter the Great]. In: Nikanorova E. K. *Istoricheskiy anekdot v russkoy literature 18 veka* [A historical anecdote in Russian literature of the 18th century]. Novosibirsk, Sibirskiy khronograf, 2001, pp. 417–435.

Nikolaev S. I. Russkie pisateli 18veka o motivatsii svoikh zanyatiy literaturnym trudom [Russian writers of the 18th century on the motivation of their literary work]. In:

18 vek. Sb. 29. Literaturnaya zhizn' v Rossii 18 veka [18 century. Coll. 29. Literary life in Russia of the 18 century]. Moscow, St. Petersburg, Al'yans-Arkheo, 2017, pp. 5–20.

Pal'm'e A. de. Sokrashchennaya vypiska iz taynoy zapiski moey zhizni s 1794 po 1808 god [Abridged extract from the secret note of my life from 1794 to 1808]. In: *Russkiy arkhiv: Istoriya Otechestva v svidetel'stvakh i dokumentakh 18–20 vv.: Al'manakh* [Russian archive: History of the Fatherland in evidence and documents of the 18th–20th centuries: Almanac]. Moscow, Studiya TRITE, Ros. Arkhiv, 1994, pp. 14–23.

Pishchevich S. S. *Izvestie o pokhozhdenii Semena Stepanovicha Pishchevicha, 1731–1785* [The news of the adventures of Semyon Stepanovich Pishchevich, 1731–1785]. Moscow, Tip. Mosk. Uni., 1883, 577 p.

Rychkov P. I. Zapiski Petra Ivanovicha Rychkova [Notes of Pyotr Ivanovich Rychkov]. In: *Russkiy arkhiv* [Russian archive]. 1905, iss. 3, cols. 289–340.

Shakhovskoy Ya. P. *Zapiski Yakova Petrovicha Shakhovskogo, pisannye im samim* [Notes of Yakov Petrovich Shakhovsky, written by himself]. Moscow, Tip. I. Glazunova, 1821, pt. 1, 208 p.

Slovar' russkikh pisateley 18 veka [Dictionary of Russian writers of the 18th century]. St. Petersburg, Nauka, 1999, iss. 2 (K–P), 512 p.

Tartakovskiy A. G. *Russkaya memuaristika 18 – nachala 19 v. Ot rukopisi k knige* [Russian memoirs of the 18th – early 19th centuries. From a manuscript to a book]. Moscow, Nauka, 1991, 288 p.

Vinskiy G. S. Moe vremya [My time]. In: *Russkiy arkhiv* [Russian archive]. 1877, no. 1, cols. 77–123.

Vizgin V. P. Urok Russo [Rousseau's Lesson]. *Russian Journal of Philosophical Sciences*. 2012, no. 11, pp. 149–152.

Zitser E. A. Samosotvorenie petrovskogo “aristokrata”: astrologicheskaya “kniga rozhdeniya” knyazya Borisa Ivanovicha Kurakina [Self-creation of the Petrine “aristocrat”: the astrological “book of birth” of Prince Boris Ivanovich Kurakin]. In: *Pravyashchie elity i dvoryanstvo Rossii vo vremya i posle petrovskikh reform (1782–1750)* [The ruling elites and the nobility of Russia during and after the Petrine reforms (1782–1750)]. Moscow, Politicheskaya entsiklopediya, 2013, pp. 178–212.

Информация об авторе

Оксана Анатольевна Фарафонова, кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы, теории литературы и методики обучения литературе, Новосибирский государственный педагогический университет (Новосибирск, Россия).

Information about the author

Oksana A. Farafonova, Candidate of Philology, Associate Professor, Department of Russian and Foreign Literature, Theory of Literature and Methods of Teaching Literature, Novosibirsk State Pedagogical University (Novosibirsk, Russian Federation).

Статья поступила в редакцию 03.05.2023;

одобрена после рецензирования 21.07.2023; принята к публикации 21.07.2023

The article was submitted on 03.05.2023;

approved after reviewing on 21.07.2023; accepted for publication on 21.07.2023